

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

НЕМАЛЬЦЕВ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Немальцев

Аннотация

«Глухая полночь. Спит в сугробах снега барская усадьба. Точно бунты какого-нибудь сложенного товара под этими сугробами лежат, и караулит их ночной сторож, старый, лет восьмидесяти, высокий отставной солдат, Немальцев. Проснется в своей каморке в барском доме старая Анна, слушает и смотрит на дочку свою, красавицу, спящую Лизу: играет лампадка на молодом лице; сны, как думы, пробегают по нему – спокойные, тихие...»

Содержание

I	4
II	6
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Гарин- Михайловский Немальцев

I

Глухая полночь. Спит в сугробах снега барская усадьба. Точно бунты какого-нибудь сложенного товара под этими сугробами лежат, и караулит их ночной сторож, старый, лет восьмидесяти, высокий отставной солдат, Немальцев. Проснется в своей каморке в барском доме старая Анна, слушает и смотрит на дочку свою, красавицу, спящую Лизу: играет лампадка на молодом лице; сны, как думы, пробегают по нему – спокойные, тихие...

«Спи, царица небесная с тобой, насыпай силушку, – думает Анна, – спи, пока молода, пока старость не нагрянула: скучная, пустая, с длинными да бессонными ночами...»

И опять бьет Немальцев в чугунную доску, и замирают тоскливо удары в усадьбе, в поле, в темном просвете, откуда выглядывает заречный лес. Черные тучи спустились к земле, еще белее кажется снег, и далеко видно от него в насторожившейся тишине.

У чугунной доски скамья, – присел на нее Немальцев и

мурлычет что-то. Маленький кудластый песик плетется к нему, виляя хвостом. Положил мордочку на колени старику и смотрит ему в глаза: точно вспоминает что-то или жалеет, что уходят годы хозяина и его, кудластого песика, годы... так и пройдут они все – тени земли – и бесследно исчезнут где-то там, в темной ночи.

– Пса... пса... – тихо, ласково шепчет старик и внимательно смотрит в глаза песика, словно вот-вот заговорит с ним песик.

II

Вся жизнь назади, вся как на ладони, и всю помнит ее старик.

Помнит, как рос он вон в той деревушке, что приютилась там, у горы, и спит теперь в ворохах соломы, занесенная снегом.

Те же лачужки, то же житье, а может, и хуже... Так же, как и теперешние, и он, парнишкой, околачивался, бывало, в тяткином картузе: пачкался в лужах, сушился на привольном солнышке, шарил по задам дворов и бегал в заречный лес по ягоды да по грибы. Отец за вихры драл, мать подзатыльниками угощала, – ревел тогда он, а потом с горя уплетал краюху черного хлеба.

Мать умерла. Мачеха уже не матерью была, и плакал, бывало, Лукашка, забившись где-нибудь на задах, мать родную вспоминая.

Подрос – работа пошла: летом отцу помогал в пашне да бороньбе, хлеб жал, а зимой из заречного леса дрова возил в город. Теперь какой это лес? Пеньки одни. Помнит он тогдашний лес. Стояли зеленые ели до неба, опушенные снегом, а между ними березки нежные дрогнули от лютого холода. И казался не лес то, а какое-то царство заколдованное или город, слышался временами точно звон колокольный оттуда, из волшебной пустоты зеленого бора.

Вырос Лукьян. Откуда взялся рост высокий, ширина в плечах, смотрит голубыми глазами и точно сам стыдится, что такой молодой и статный он.

Кто крепостным родился, а он из вольной семьи.

Пришло время по ревизским сказкам солдатчину отбывать Лукьяну, повез отец парня в город. Представил зачетную квитанцию за сына, и освободили его было от солдатчины.

Этого только и ждали в семье: тут же, как вернулись домой, еще до заговенья, и свадьбу сыграли. Крестьянскую свадьбу недолго сыграть: съездил Лукьян в соседнюю деревню, поглядел раз на вольную солдатскую дочку, молодую Ирину, а во второй раз увидел ее уже в церкви, когда под венцом обоих поставили.

Только приехали из-под венца домой, только сели было за гарный стол, как входит в избу старшина:

– Скорее одевайся: ошибка вышла... Тебя в солдаты...

Так из-за гарного стола и ушел Лукьян на двадцатипятилетнюю службу, ушел от молодой жены, от родных полей, от заречного леса.

Сперва в Саратов угнали. Выломали там из него николаевского солдата и отправили в Бутырский полк на Кавказ, вместе с другом его, Степаном Петровичем.

На Кавказе Степан Петрович в фельдфебеля выскочил, а Лукьян Васильевич дослужил до нашивок.

Усядутся они, бывало, со Степаном Петровичем, оба ти-

хие, степенные, по службе исправные, где-нибудь на берегу синего моря и разговаривают друг с другом.

Степан Петрович – бобыль, и рассказывает ему Лукьян Васильевич о своей стороне, о братьях, отце, о молодой жене Ирине.

– Вот, Лукьян Васильевич, доживем свой срок, – жить к тебе приду, – скажет Степан Петрович.

– Что ж, милости просим, Степан Петрович, рады будем... во как примем.

III

Крымская война началась.

Бутырский полк отправился в Севастополь. По камням верст по восьмидесяти уходили в день.

В Севастополь пришли поздно вечером, и прямо на южную сторону. Тогда только начинали укреплять город.

Ведет их провожатый казак: идут за ним солдаты и смотрят – все мешки да мешки.

– Это, видно, овес для конницы, что ли, припасен, – толкуют между собой солдаты.

Кончились мешки, а казак провожатый скачет, догоняет батальонного и кричит ему:

– Ваше высокородие, за крепость ушли.

Смотрят солдатики: какая же такая крепость, где она?

– Да вот эти самые мешки и крепость, – говорит казак.

Смешно всем: ну и крепость!

Тут и на ночевку устроились: так без хлеба и легли.

Утром проснулись: нет хлеба. Солнце уж высоко поднялось, – нет хлеба. Скучно без хлеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.